

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Золовка (жена брата)

Когда-то давно я жил на Крайнем Севере, за Полярным кругом, в тундре. Летние отпуска старался проводить на море. Но, поскольку прямых рейсов до Сочи не было, приходилось делать пересадку в одном крупном сибирском аэропорту. И мне это было даже как-то на руку, потому, что в этом городе жил мой родной, младший брат со своей женой Леной, и уже довольно взрослой дочерью Аней, заканчивающей институт. Кроме промежуточной акклиматизации, которая просто необходима северянам при таких перелётах, это давало мне возможность повидаться с братом, попить пивка, пообщаться хотя бы несколько дней в году. Мы подолгу, а порой, почти, и до утра, засиживались на кухне за разговорами, воспоминаниями, обсуждениями лет, прошедших и планах на будущее, потягивая, когда пивко, а когда и водочку.

Частенько к нам присоединялась и его жена. Она была лет на десять моложе меня, но моложе брата только на два года. Она вместе с нами выпивала, вместе курила, поддерживала общие темы разговора, когда у неё было настроение, а потом потихоньку и незаметно уходила спать. Была она очень весёлая, компанейская, в меру начитанная девочка и могла поддержать разговор на любую тему. Но с годами хорошее настроение появлялось у неё всё реже и реже. В такие дни, для меня лично, наступал сущий кошмар! Принести бутылку пива в дом стало нельзя, закурить на кухне стало нельзя, любое неосторожное слово или действие вызывало кучу недовольства: крик, шум — в общем скандал за скандалом. В такие дни я вообще старался не появляться дома, а отсиживаться где-нибудь у друзей, чтобы не видеть и не слышать этой мегеры. Но брат всё равно отыскивал меня и возвращал в дом. Поскольку негоже родному брату, приехавшему раз в году, ночевать где ни попадя, дожидаясь самолёта, чтобы продолжить путешествие в свой любимый Сочи!

Надо сказать, что эта самая Лена, внешне, была даже очень ничего себе! Невысокого росточка — где-то в районе 160—165 см. (как на зло такие мне, почему-то, особенно нравятся). У них, как правило, намного рельефнее как фигурка в целом, так и отдельные её части. У них намного точёные ножки, более округлая и упругая попка и даже титочки на такой фигурке кажутся намного объёмнее! Мне кажется именно к таким девочкам и применимо уменьшительно-ласкательное, нежное слово «малышка»! Густые, смоляной черноты волосы, подстриженные в каре и довольно милое личико, завершали описание этой, в общем-то, привлекательной девочки. Но характер, как я выяснил с годами, не дай Бог никому! И всегда, с тех пор как я её узнал после свадьбы, с молодых лет, и до сих пор, когда ей уже под пятьдесят, она ходила по квартире либо в мужниной футболке, длинной в аккурат до той линии, где ягодички переходят в бёдра, либо в тёмно-синем, шёлковом халатике, с месяцем и звёздами, запахнутом только узеньким пояском ровно такой же длинны! Ну и как, я вас спрашиваю, мне на всё на это было смотреть?

Более того, в силу своей миниатюрности, она целиком, вместе с ногами, умещалась на обыкновенной кухонной табуретке и любила сидеть либо, подогнув под себя одну ногу, либо вообще усевшись на неё по-турецки! При этом её совершенно не волновало, что каждый раз для всех окружающих открывался прелестный вид на её неизменно белые трусы, даже если за столом собиралось по 4—5 совершенно посторонних мужиков, друзей брата, которые частенько, в течение дня, мотаясь по городу, заскакивали чисто попить чайку — кофейку.

Меня это всегда смущало, мне было не очень удобно смотреть на это когда, например, она наклонялась к мусорному ведру или к холодильнику. Но я не вмешивался и не делал замечаний — чужая семья, что я буду влезать, да и кто я такой — приезжаю раз в год, максимум на неделю — оно мне надо? И тем ни менее её взбалмошный, невыносимый, психованный и непредсказуемый характер злил меня до умопомрачения, до полного бессилия! Но приходилось помалкивать, копить и топить в себе эту злость, и молча ждать своего самолёта. И так продолжалось много лет.

И вот однажды, сейчас уже не помню в который это было раз, десятый, а может двадцатый, когда до вылета мне оставалось уже, буквально, двое суток, брату срочно понадобилось куда-то уехать. А Лена объявила, что сегодня с подружками они идут в кабак и, что вернётся она, возможно, очень поздно, и что остаюсь я совсем один! Ну, что ж? Один так один! Мне не привыкать, тем более, что хоть немного побуду без этой фурии! Сходил в магазин, очень основательно затарился пивом, поскольку это мой налюбимый напиток, потому, что даже до сих пор я не знаю сколько в меня его может влезть! И вот сижу я, потягиваю пиво. Время 12 ночи — Ленки нету! Час ночи — нету! Начало второго — раздаётся звонок в дверь. Открываю и что я вижу? Какие-то две подружки-хохотушки держат подмышки, буквально навису, пьяную в хлам эту Лену, всучивают её мне и со словами: — «Ну всё, мы побежали, нас машина ждёт!» — скрываются по ступеням лестничной клетки! Лена моя настолько пьяная, что даже не мычит! Занёс я её в спальню, положил на кровать, накрыл пледом и вернулся на кухню пить пиво. Прошло минут десять — слышу что-то гремит в прихожей. Выхожу, Лена от стены к стене, почти ползком, стремится к туалету. Завёл я её в туалет и, прикрыв за собой дверь, вернулся на кухню к пиву. А ведь у нас в квартирах туалеты всегда рядом с кухней строят и слышимость просто превосходная. Прошло, примерно, полчаса — за стеной тишина и не слышно было, чтобы дверь хлопала...

— Чо-то больно долго ссыт, — подумал я, — не случилось бы чего. Посмотреть бы надо! Захожу — сидит эта Лена на унитазе, трусы на щиколотках, и спит! Ну, думаю, блядь, теперь таскайся с тобой, сучка! А куда деваться-то? Живой ведь человек и родня, тем более, какая ни какая! Снова взял на руки и понёс в спальню. Уже без трусов. Из одежды только лифчик. Снова уложил её, она тут же свернулась калачиком, в позу эмбриона. Так в тундре замерзающие люди сворачиваются, так и помирают от холода. Приходилось видеть такие трупики. Накрыл я её потеплее, чай здесь-то не тундра, совсем не замёрзнет, все межкомнатные двери открытыми оставил, чтоб слышно было и пошёл дальше пиво пить. Слышу — рыгать начала! Выматерился и пошёл посмотреть, что там да как. Как лежала калачиком на боку, так и блюёт, не меняя позы, прямо на подушку! «Да твою же мать!» Притащил ей тазик, подвинул голову ближе к краю кровати, чтоб не захлебнулась, подложил под щёку какую-то пелёнку, а сам снова на кухню.

Сижу и думаю: — «Блядь, сколько она мне крови испортила, сколько она мне нервов потрепала, а вот теперь, сука, нянчись тут с тобой как с грудным ребёнком! А ведь за сорок уже девочке-то!» Тем временем слышу — вторая волна рвоты прошла и всё стихло. Посидел я ещё немного и пошёл посмотреть, чем там дело кончилось? В какой позе лежала, так и лежит моя ненаглядная красавица, только тазик чуть ли не наполовину заполнен, да на пелёнке под щекой почти столько же! Убрал я это всё, лицо аккуратненько влажной салфеткой вытер, и такая меня злость взяла, что от этой злости, да ещё при виде голой бабы, хуй у меня встал как посох у Деда Мороза! Свет из прихожей, через открытую дверь так спальню освещает, что и

свет включать не надо! Лежит она на боку, калачиком, коленки аж к самому подбородку подтянутые, а сзади вся пиздёночка как на картине в какой-нибудь галерее! Такая чистенькая, такая гладенькая! Я по этой щелочке пальцами провёл — ну очень мягонькая, просто бархатистая! Решил я туда ей пальчик вставить, чтоб ещё и на вкус попробовать. Не успел я и полпальца ввести, как её будто током ударило. Всё тело вздрогнуло, передёрнулось и в тоже мгновенье замерло, как и лежало.

— Ну, подумал я. — значит живая, значит жить будет!

Ввёл я палец в её пиздёночку до самого конца, сделал там несколько круговых движений — никакой реакции! Понюхал я его и даже на вкус попробовал — такой дурманящий и пьянящий вкус и аромат, что прям тут же и кончить готов был!

— Уж сегодня-то я с тобой за всё рассчитаюсь, сегодня ты мне за всё заплатишь, родственница ёбаная, золовка блядь! Название-то какое придумали суки! Кто его только придумал! — сказал я ей в полголоса.

Тем временем, спустив с себя шорты вместе с трусами до колен я подставил свой член прямо к её губам и к носу. Никакой реакции с её стороны это не вызвало. Тогда, слегка нажав ей на подбородок и отодвинув вниз нижнюю челюсть я вставил ей в рот головку своего члена.

Почувствовав во рту что-то лишнее, она начала двигать языком, пытаясь хоть что-то сделать или освободить свой рот. Но поскольку голова её после рвоты всё так же лежала на самом краю кровати, мне было очень удобно вставлять ей в рот, а вот освободиться у неё не было ни каких сил, ни возможностей. Так потихоньку я начал трахать её в рот всё глубже и глубже приговаривая: — «На, сучка, соси, мегера, ёбаная! Я долго терпел твои выходки... Вот теперь тебе за это хуй в рот!» Вдруг мне показалось, что она начала реагировать не столько на хуй во рту, сколько на мои слова. Её руки зашевелились начали как-то непроизвольно и бесцельно махать в пространстве. Ленка медленно начинала приходить в чувство. Вот она открыла свои мутные глаза и по её мычанию я понял, что она хочет что-то сказать. Взяв мой хуй в ладонь, она пыталась его толи подрочить себе в рот, толи освободиться от него.

— А-а-а, сучка, нравится тебе мой хуй во рту, нравится тебе, когда я тебя в рот ебу? Ты сука давно это зарабатывала, ты давно на это нарывалась, тварь ёбаная!

— У, у. у угу у. у. угу, угу у. у только и можно было услышать в этом мычании, но ни чего не разобрать.

Тогда я вытащил член из её рта, но заметил, что из руки она его не выпускает и не пытается оттолкнуть его или как-то освободиться.

— Это ты что ли? А где это я? Как ты меня нашёл? А где все-то? А сколько сейчас времени? — мычала она заплетающимся языком.

Ну, в общем, как-то, худо-бедно, мне, всё-таки, удалось растолковать ей ответы на все её вопросы. Вопросы задавать она уже могла, а вот управлять телом и конечностями осознанно и скоординировано, видимо ещё нет. И тут же посыпалась новая серия вопросов:

— А ты чо тут делаешь-то?

— Живу я здесь, что не знаешь? Пять дней уже живу и через два дня уезжаю! Неужели водка тебе вообще всю память растворила, а не только то, что было в кабаке?

— Нет, чо ты делаешь тут, в моей спальне?

— Так вот говно за тобой, пьяницей, убираю!

— Нет, это-то я поняла! А почему я голая? Ах, да... Ой, блядь! Ну пиздец! Я совсем охуела! Ой, блядь, это ж надо было так нажраться! А член-то твой почему у меня во рту был? Ты что меня

в рот ебал, что ли?! Ты чо совсем охуел?! А если брат твой узнает? Что тогда будет?! Это же пиздец всем будет!

— Ну, во-первых, ни чего, ни о чём и никогда он не узнает! Да и как он это узнает? Ты сама расскажешь или попросишь кого? А во-вторых, кому он поверит быстрее — родному брату или бабе, которая нажралась до беспамятства, хуй знает где и с кем, и которую приволокли к дверям квартиры уже выебанную?!

— А меня чо уже выебанную привели?

— Не знаю! Я не знаю, а ты не помнишь! А злой я на тебя уже и не помню сколько лет!

Сколько лет ты старалась, чтобы я к родному брату не приезжал?! Сколько лет ты мне гадости делала?! Так, что вот и отливаются тебе, кошечка, мышкены слёзки! Ни куда ты сегодня от меня не денешься, да и деваться тебе не куда! Так, что открывай свой милый ротик и давай ещё пошалим!

С этими словами я положил свою ладонь ей на затылок и вложил в её распрекрасный ротик свой, уже порядком увядший за это время, член. Теперь уже она делала это вполне уверенно и осознанно. Но не прошло и трёх минут, как она вдруг вытащила член изо рта, опустила руку и сказала:

— Всё, больше не могу, я хочу спать! Делай что хочешь, хоть убей, но я хочу спать! — с этими словами она опустила голову на подушку и, кажется, заснула младенческим сном. Такого поворота я никак не ожидал! Я понимал, что будить пьяного и уставшего человека совершенно бесполезно! Но ведь я не только не залил её спермой, как мечтал, но даже и просто не кончил! Недолго думая я перелез через неё и плотно прижался к её очаровательной попochке. Коленочки согнуты и прижаты к груди, а при этом пиздёночка получается наиболее доступна! Рукой приставив свой член к её дырочке, немного надавил — и вот уже головка погрузилась в горячее и мокрое влагалище. Ещё одно движение и член полностью погрузился в распрекрасную ту благодать! При этом Лена не издала ни вздоха, ни выдоха и ни одна мышца на её теле даже не дрогнула. Я начал её трахать всё ускоряясь и ускоряясь вводя член так глубоко, насколько это только возможно! Её пиздёночка начала реально хлюпать и обжигать невероятным жаром мой член. Из её груди вырвалось несколько коротких стонов, больше похожих на мычание, и я кончил прямо в неё, упершись в самую шейку матки. Мне показалось, что она так и не почувствовала этого и так и не проснулась. Выждав ещё некоторое время, пока член сам не выпадет из её дырочки я встал и пошёл в свою комнату, и, вдруг, подумал: — «С этой овцы хоть шерсти клок!» Спать до утра оставалось не больше двух — трёх часов!

Проснулся я от того, что кто-то на кухне гремел посудой. Мне стало это любопытно и я пошёл посмотреть.

Ленка с растрёпанными волосами и в своём миниатюрном халатике стояла возле раковины спиной ко мне, и мыла чайную чашку. Я подошёл к ней сзади, просунул подмышками ей свои руки и взял в ладони её титички, упершись бугорком своих штанов в её попochку.

— Я хочу тебя — шепнул я ей на ушко.

— Угу, ответила она равнодушно, продолжая мыть чашку. — ты что, блядь, выебал меня ночью что ли? Проснулась утром — вся пизда мокрая и липкая! Что это ещё за дела такие?! Кто тебе разрешил?!

— Ну, так ведь и слов запрета или отказа я не слышал — произнёс я с такой нежностью в голосе, на которую только был способен.

— И чо теперь? — с некоторым раздражением в голосе спросила она.

— Да ни чего. Будем жить как жили и всё. Будь-то ни чего и не было, вот и всё.

— Ну ты точно ебанутый... — спокойно произнесла она.

Ленка перестала мыть посуду, вытерла руки кухонным полотенцем и, освободившись от моих рук, присела на табуретку у стола.

— А ты думаешь, что только у ебанутых может встать, когда они видят перед своим носом голенькую девочку с попочкой и кисочкой на переднем плане? Да при такой картинке даже у импотента встанет!

— Блядь, точно говорят: — «Баба пьяная — пизда чужая!» — буркнула она в ответ и подпёрла рукой тяжёлую с похмелья голову.

— Ну не совсем чужая. Если уж так разобраться, то она мне как бы родственница даже — усмехнулся я, — пизда-то золовкина, а не бабы с улицы! Извиняться я не собираюсь, да и не за что, собственно, но кайф от твоей девочки и от тебя я получил такой, какого даже не припомню и теперь никогда не забуду! Ведь ты даже помахивала мне как могла, как получалось! Но я это очень даже оценил!

— Блядь, — ничего не помню вообще!

Я подошёл к ней, взял в ладони её лицо, слегка приподнял и глядя в её виноватые глаза сказал:

— Да ладно тебе! Что ты так убиваешься-то? Ну подумаешь — родственник выебал, что-такого-то? Нечего было в своих мини халатиках и маечках передо мной своей попкой крутить! У меня всё время на тебя вставал — а тут такой случай! Упустить его было бы непростительной ошибкой!

— Всё, проехали! Конечно, сама виновата! И чо я так нажралась-то вчера?! Вообще ничего не помню!

Во входной двери послышался какой-то шум. Это дочь Анька возвращалась со своих студенческих гулянок. Я отошёл от Ленки и прислонился к подоконнику. Заскочив на кухню, она кинула «привет» и убежала в свою комнату.

— А у тебя, я смотрю, до сих пор стоит, — сказала Ленка поглаживая ладонью бугор на моих штанах. — ты же, вроде, кончил в меня, чо не хватило, что ли?

— Хватило, конечно, но такую девочку можно бесконечно хотеть!

— Понятно, — протяжно сказала она. — А вот как мне себя чувствовать?! Вроде бы и оттраханая, и полная спермы, в внизу всё горит, и просит ещё чего-то!

— Ну, наверно, не трудно догадаться чего!

— Наверно... — тихо и нежно ответила она, прижимая ладонь к бугорку на моих штанах и пытаясь обхватить его. — Давай потрахаемся, сказала она, подставляя для поцелуя мне свои губы.

— Пойдём в комнату

— Нет, прошептала она, — давай здесь.

— А вдруг Анька войдёт?!

— Ну и что?

— Как это что?! — возмутился я. Ни хрена себе «ну и что»!

— Да она мне ближе и больше чем дочь, ближе чем самая сокровенная подружка. Она знает обо мне абсолютно всё, до последней капельки! Она знает, когда и как мне сломали целку, с кем, когда и как я трахаюсь, когда и с кем впервые изменила мужу, так же, как и я всё знаю о

ней! У нас с ней нет даже малейших секретов. Трахни меня прямо здесь! Ну зайдёт и зайдёт! Что-такого-то? Посмотрит и уйдёт! Давай трахаться при ребёнке, — неожиданно прошептала она, — она ещё ни разу не видела, как меня трахают, только из моих рассказов знает.

Меня будто обухом по голове ударили! Я не мог понять, как такое возможно?! Как вообще может такая мысль прийти в голову нормальному человеку?! Для меня это был просто шок! И вдруг в голове у меня предательски мелькнуло: — «Ничего себе ребёнок — 24 года!» Но эту мысль я постарался как можно быстрее прогнать от себя. Лена начала медленно приседать, одновременно стягивая с меня шорты вместе с трусами. Мой напряжённый член выскочил перед её лицом как на пружине чёрт из табакерки. Взяв его в кулачок, она начала его медленно подрачивать прямо напротив своих губ. Потом взяла его губами, пропуская всё глубже и глубже, и вот уже она просто трахала себя в рот, не переставая энергично дрочить рукой. Вторая её рука опустилась к своей пиздёнке и я понял, что и сама себе она решила подрочить. Вдруг боковым зрением я увидел, что в дверях появилась Анька! Для меня это был ужас! Скрестив руки на груди и опершись плечом на дверной косяк, она стояла в дверном проёме и молча смотрела на нас.

— Что это вы тут делаете? — довольно спокойно и даже как-то обыденно спросила она, — всё понятно...

От такой неожиданности и испуга я не знал, что и как ответить, я просто онемел от ужаса! А её мама не могла и, кажется, не собиралась ни чего отвечать по причине занятости своего речевого аппарата. Постояв так пару секунд и не дождавшись ответа, она повернулась и уже из коридора только крикнула: — «Ну ладно, я пошла!» А ещё через минуту было слышно, как за ней захлопнулась входная дверь.

— Ты чо, офанарела? — закричал я на Ленку, — чо это сейчас было? Вы что тут, совсем охуели что ли?

— Да ладно ты, не ори, не у себя дома! — спокойно сказала она. Что-такого-то? Ни чего страшного не произошло! Ну подумаешь племянница у дядьки член увидела, ну и что? От тебя что, ubyло что ли?

Я снова потерял дар речи!

— Ладно, пойдём в комнату, на кровати по нормальному потрахаемся, а то я той ночью ничего не поняла, да и почти ничего не помню — смутно всё... Пойдём, поебёшь меня трезвую. Вон у меня уже по ляжкам сок стекает. Так с похмелья ебаться хочется! Нужно чтоб кровь разогрелась, да по телу разбегалась!

По пути в комнату она распустила поясок своего халатика, спустила его с плеч на пол, легла на диван, на спину и раздвинула согнутые в коленях ножки